

О. А. Кукоба

**ДОМИНАНТЫ РОССИЙСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА**

Марксистская философия решающую роль в детерминации социального поведения отводила социально-экономическим факторам. Для современной социальной философии очевидно, что мотивация социального поведения имеет не только социально-экономический, но и культурно-исторический характер. В рамках исследования культурно-исторических детерминант социального поведения философы обращаются к исследованию национального менталитета. В работах отечественных ученых Н. П. Бутенко, И. Т. Дубова, А. Я. Гуревича, А. В. Махлаева, К. Касьяновой, В. Ленкина, Ю. В. Колесниченко, Ю. П. Леонтьева, С. В. Лурье, В. П. Пантина, Ю. К. Трескова, В. П. Шульгина и др. рассматриваются различные аспекты этой проблемы. Целью нашей статьи является установление доминант российского национального менталитета на основе выработки понятия "национальный менталитет".

Чтобы разобраться в этой проблеме, уточним, какой смысл вкладывается в понятия "менталитет" и "национальный менталитет".

В современной культурологической и философской литературе понятие "менталитет" употребляется в многозначных смыслах и значениях. Выделим некоторые, наиболее, на наш взгляд, характерные.

Прежде всего, под менталитетом подразумевается глубинный уровень массового сознания, то, что представители историко-психологической и культурно-антропологической мысли называли своего рода "психологической оснасткой" любой социальной общности, которая позволяет ей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя. Эта "психологическая оснастка" проявляется в характерном для данной общности мироощущении и мировосприятии, имеющем эмоциональное, аксиологическое и поведенческое выражение.

В культурологической и философской литературе также подчеркивается сознательно неконтролируемое, в какой-то мере автоматическое действие ментальных структур. Ученые сходятся во мнении, что понятие "менталитет" фиксирует не только осознаваемые людьми типы собственного мышления и чувствования, но и процессы, протекающие бессознательно, существующие на

уровне общественной психологии. "Менталитет" означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, т.е. глубинный и потому трудно рефлекслируемый источник мышления, идеологии и веры, чувства и эмоций"¹. По мнению У. Раульфа, менталитет находится глубже мышления, норм поведения и сферы чувств: "это нечто еще не структурированное, некая предрасположенность, внутренняя готовность человека действовать определенным образом, область возможного для него"². Г. Телленбах под менталитетом подразумевает "всеобщую установку или коллективный образ мысли, обладающий относительным постоянством и основывающийся не на критической рефлексии или случайных спонтанных мыслях, а на том, что рассматривается в пределах данной группы или общества как само собой разумеющееся"³.

"Содержание менталитета, – по А. Я. Гуревичу, – представляет собой некоторый сложившийся образ, внутреннюю картину мира, отражающую культуру общества. Именно картина мира, включающая в себя, в частности, представления о личности и ее отношении к социуму, о свободе, равенстве, чести, добре и зле, о праве и труде, о семье и сексуальных отношениях, о ходе истории, о ценностях времени, о соотношении старого и нового (картина мира, в принципе неисчерпаема), эта картина мира, унаследованная от предыдущих поколений и непрерывно изменяющаяся в процессе общественной практики, лежит в основе человеческого поведения"⁴. Менталитет проявляется в позициях, ценностных ориентациях, мировоззренческом и поведенческом стереотипах, исторических традициях, образе и укладе жизни людей, в языке. Формируясь в ходе исторического процесса, менталитет образует ту духовно-поведенческую специфичность, которая делает представителей одного народа непохожими на представителей других народов, и в силу этого он становится важным фактором самоидентификации той или иной общности.

В целом менталитет трактуется как определенный поведенческий код, детерминирующий устойчивое социально-психологическое состояние субъекта (индивида, народа, нации), совокупность устойчивых, исторически сложившихся в достаточно большие промежутки времени социально-психологических характеристик, выражающих отношение социального субъекта к самому себе и окружающим и обуславливающих его поведенческие реакции.

Исследователи выделяют различные формы проявления менталитета: менталитет личности, менталитет социально-групповой,

менталитет определенных исторических эпох, менталитет этноса (народа, нации).

Предметом нашего анализа является российский национальный менталитет. Национальный менталитет является первичной формой менталитета любых социокультурных образований, так как все иные формы менталитета представляют собой конкретные модификации национального менталитета. Поэтому все изложенные выше характеристики менталитета являются характеристиками национального менталитета, и мы не будем повторяться, а сконцентрируем внимание на выявлении природы национального менталитета. Исследователи российского национального менталитета А. П. Бутенко и Ю. В. Колесниченко характеризовали национальный менталитет как "выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некоего единства характера, исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах"⁵.

На основе вышеизложенного можно дать такое определение национального менталитета: национальный менталитет – это исторически сложившаяся устойчивая органическая целостность социально-психологических качеств и черт, присущих именно этой этнической общности (народу, нации), составляющим ее группам и гражданам, существующая на осознаваемом и неосознаваемом уровнях, которая обуславливает единообразный, специфический для каждой общности тип мировосприятия, аксиологической оценки, поведения и самоидентификации.

В научной литературе выделяется ряд объективных факторов, воздействующих на формирование, поддержание и трансформацию менталитета той или иной этнической общности. Первое, очевидное, что определяет психологию народа, – это природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Она – фактор постоянно действующий. Тело земли: лес (и какой), горы, пустыня, тундра, вечная мерзлота или джунгли, климат умеренный или с катастрофическими изломами, животный мир, растительность предопределяют и последующий род труда (охота, бортничество, скотоводство – кочевье, земледелие, торговля – мореплавание и т.д.), и образ мира: устроен ли космос как мировое дерево (Игдрасиль в скандинавском эпосе) или как тело кита ("Моби Дик") и т.д.

К первой группе факторов относят также природные качества самого субъекта менталитета. Здесь, прежде всего, подразумевается численность этнической ментальности данной общности и ее возраст. Вряд ли можно оспорить то, что численность китай-

ской нации иначе воздействует на ее менталитет, чем, скажем, численность якутов. Известный исследователь этногенеза Л. Н. Гумилев обратил особое внимание на возраст этноса – то, в какой фазе этногенеза он находится в данное время (в фазе подъема, в акмеотической фазе, в фазе надлома, в инерционной фазе, в фазе обскурации или в фазе гомеостаза). По мнению Л. Н. Гумилева, Россия, начавшая свое восхождение в XIV веке, является молодой страной по сравнению с Западной Европой, находившейся в то время уже в стадии пассионарного надлома⁶.

Сказывается на менталитете и уровень этнической монолитности данной общности, народа или народности. Одно дело, когда общность монолитна в этническом плане, как, например, поляки, другое дело, если общность – объединение разных этносов, такое как россияне. Третье дело, если это такой конгломерат, как американский народ, включающий в себя и местные исторически существовавшие этносы (индейцы), и пришлые исторические группы (переселенцы из Европы и Африки).

Значительное влияние на особенности национальной ментальности оказывают природно-географические и геополитические условия проживания данной общности. К ним относят величину и месторасположение страны, ее рельеф, природу границ, климат, наличие полезных ископаемых, флору и фауну, заселенность, географическое соседство с другими этносами.

Выделяя названные детерминанты этнической ментальности, следует подчеркнуть, что ни каждая из них в отдельности, ни все вместе взятое не в состоянии обусловить специфику этнического мировосприятия, если их рассматривать вне процесса человеческого общения (коммуникации). Генетически ментальность возникает не просто в силу сходства условий, в которых живут и действуют представители данной этнической целостности, не по причине одной лишь одинаковости их индивидуального опыта, но в силу того, что опыт этот добывается в процессе совместной жизнедеятельности. Только во взаимодействии людей друг с другом в пространстве и во времени вырабатываются общие чувства, представления, мнения. Это вовсе не означает, что уменьшается значимость природных, хозяйственно-бытовых, собственно социальных, духовных или политических детерминант. Здесь важно подчеркнуть, что содержание социальной ментальности обусловлено не только внешними факторами, но и коллективной формой внутреннего восприятия этих факторов в процессе интерсубъективного взаимодействия. Данный комплекс факторов, оп-

ределяющих процесс становления этнической ментальности, мы отнесем к третьей подгруппе детерминант, характеризующих как бы внутренние аспекты (формы общения) в противоположность внешним (природным и социальным) факторам.

Формирование, сохранение и развитие российского менталитета подчиняются закономерностям формирования, поддержания и развития этнического менталитета. Важную роль здесь играют уже упоминавшиеся расово-этнические качества общности (численность, возраст, темперамент и т.п.), коренящиеся в устойчивых результатах многовекового воздействия данной общности и условий ее проживания. Однако на формирование базовых принципов менталитета того или иного этноса не все факторы оказывают одинаковое влияние. Исследователи специфики российского менталитета А. П. Бутенко и Ю. В. Колесниченко совершенно справедливо ставят вопрос о выделении доминирующего фактора для становления и развития этнического менталитета. В статье "Менталитет россиян и евроазиатство: их сущность и общественно-политический аспект" они отмечают, что если для китайцев ныне первостепенное значение имеет такое расово-этническое качество, как огромная их численность, порождающая много специфических проблем, то для россиян уже не одно столетие первостепенное значение имеет такое важное географическое качество, как пространственная протяженность территории проживания⁷.

Другой доминантой при формировании российской ментальности являются особенности географических и геологических условий существования России. Русский этнос формировался на не защищенной никакими естественными преградами территории с суровыми природно-климатическими условиями. "Лес, степь и река — это, можно сказать, основные стихии русской природы по своему историческому значению. Каждая из них... приняла живое и своеобразное участие в строении жизни и понятий русского человека", — читаем у В. Ключевского. В настоящее время с помощью инструментальных наблюдений протяженного лага климатических измерений доказано, что территория исконного расселения восточнославянских племен неблагоприятна для длительного проживания. Здесь жизнь возможна только за счет привлечения дополнительных энергоресурсов и за счет ежедневной прозаической работы. Последняя позволяла выжить, но не сулила надежд на благоденствие даже в отдаленном будущем. Кроме того, условия постоянной угрозы истребления народа (исходившей с Востока) и потери собственной самобытности

(прожившей с Запада) заставляли быть в постоянной готовности к обороне. Состояние мира было скорее исключением, а война жестоким правилом.

Суровые природно-географические и геополитические условия местообитания восточных славян веками выводили на первый план высокую степень самоограничения, позволявшую им довольно успешно противостоять данным условиям. "В Европе нет народа менее избалованного и притязательного, приученного меньше ждать от природы и судьбы и более выносливого", — отмечает В. О. Ключевский⁸.

Обеспечить целостность и жизнеспособность этноса в условиях его рассеянности по огромной территории могла только сильная государственная власть. Создание сверхпрочной государственной организации, способной не только выдерживать сверхвысокое давление извне, но и преодолеть его, стало, таким образом, ответом России на исторический вызов. Были устранены все правовые ограничения на пути сосредоточения в руках государства всех ресурсов общества. В. О. Ключевский отмечает: "Состояния различались не правами, а повинностями, между ними распределенными. Каждый обязан был или оборонять государство, или работать на государство, то есть кормить тех, кто его обороняет. Были командиры, солдаты, работники, но не было граждан"⁹.

Своеобразие государственного устройства не могло не наложить глубокого отпечатка на психический склад народа. Особенностью его менталитета стала такая черта, как "державность" или "государственность". Эта черта характеризует уровень взаимоотношений отдельного индивида и общества. По словам Н. Ю. Заматиной, "русский человек слишком часто думает категориями не личного или местного масштаба, а категориями всего государства". Государственность как базовая сущностная черта русского менталитета означает сакральное отношение к своему государству как к самостоятельному установлению, преследующему высшие цели, "готовность при всяком столкновении с внешней опасностью отдать ему столько богатств, труда и крови, сколько нужно для ее отражения. Дело не в том, что Московский Кремль властно, по своей воле, налагал на все сословия тяжкое бремя государева тягла или государственной службы. Не менее важно и другое — то, что русский народ в основной массе принимал и нес это бремя как нечто неизбежное и необходимое. Государственный интерес здесь как бы доминировал над интересами местными, сословными, семейными, личными"¹⁰.

Приоритет обязанностей перед государством и обществом над личными правами и свободами часто трактуется в современной литературе как "склонность русских к рабству", "рабская покорность государственной власти", "неспособность ценить личную свободу", "отсутствие личного сознания и ответственности", "устойчивый комплекс зависимости у народа, веками лишённого реального суверенитета личности", "рабский и безответный менталитет". Представляется, что подобное толкование является результатом смещения внешней стороны явлений и их объективного содержания, сущности, а также смещения российской и западной системы ценностей. Сегодня не вызывает сомнений, что концепции и понятия, разработанные в рамках одной культуры для описания поведения людей, могут оказаться неадекватными для описания поведения в другой культуре.

Как известно, в Западной Европе свобода осмысливается через категорию "право" ("возможность"). Она понимается, прежде всего, как неотъемлемое право изолированной личности самостоятельно определять, что для нее является полезным, выгодным, спасительным: "права граждан – это особые, детально разработанные ограничения власти". Западное общество шло от разгула стихии, индивидуальных устремлений к выработке различных форм ее ограничения – законов, исполнение которых мыслится как справедливость. Чарльз Кули ассоциирует различные трактовки понятия "свобода", выделяет, прежде всего, понимание ее как "возможности достижения права", как индивидуального аспекта прогресса, выражающегося в виде контраста между тем, что человек есть, и тем, чем он мог бы быть¹¹.

В русском сознании свобода предстает, прежде всего, как ответственность (долг), а право приобретает форму права – долга, ответственное исполнение которого каждым членом общества и есть справедливость в русском понимании. В этом смысле Н. Я. Данилевский говорил о русских как о народе, обладающем "высоким политическим смыслом", и подчеркивал, что едва ли существовал и существует народ, способный вынести большую долю свободы, чем народ русский, и имеющий менее склонности злоупотреблять ею.

"Право" через понятие справедливости связано в русском сознании с правдой как нравственной ценностью. И. Киреевский считал, что слово "право" означает, прежде всего, "правду", то есть "справедливость". К. Аксаков противопоставлял "внешнюю правду", "буржуазно-мещанскую "вексельную чест-

ность" Западной Европы "внутренней правде – справедливости Руси".

Таким образом, как справедливо замечает Б. П. Шулыгин, в российском менталитете органически сочетаются стремление к созданию сильного государства, предельное доверие к нему и стремление к свободе и независимости¹². По сути дела, это одна сущностная черта российского менталитета в разных ее проявлениях. В. Ковалев подчеркивает: "Всеохватность русского государства, проникавшего до самых основ жизни, – известная вещь, но надо видеть, что это была оборотная сторона сущности русского духа – его устремленности вглубь, к истине, к потаенному, невысказанному единству человеческого бытия"¹³. Особенности исторического развития России опровергают и довольно распространенное мнение, что русские воспринимают свободу только как негативную, деструктивную и анархичную "свободу от", которая обязательно должна быть направлена против чего-то и осуществление которой означает разрушение существующего порядка.

История учила русских, что обеспечить их выживание как этноса может только сильная государственная власть, способная добиться свободного, не обусловленного насилием, добровольного подчинения свободного человеческого духа высшим ценностям, способная вдохновить основную массу членов общества подняться над сиюминутными интересами каждого отдельного индивида и даже над интересами всего ныне живущего поколения. Именно свободолюбие как сущностная черта российского менталитета проявляется в особом, сакральном отношении русских к своему государству.

Безусловное подчинение государственной власти могло быть добровольным и всеобщим лишь в том случае, если государство реализовывало существующие в обществе представления о социальной справедливости, учитывало интересы всех без исключения социальных групп, сословий, регионов, народностей. "Только сильная государственная власть способна активизировать такую черту российского менталитета, как "мобилизационный коллективизм", которая проявляется в полной мере лишь в чрезвычайных ситуациях, когда имеется угроза самому существованию народа и России как независимого государства. Такая форма коллективизма, означающая стремление к объединению вне зависимости от этнических признаков, является российской альтернативой "общенациональному коллективизму" – стремлению к объединению по сугубо этническому признаку, который про-

сто не мог выработаться у русских в условиях низкой плотности населения и тесного взаимодействия с другими этносами.

Стремление к объединению на "местном" уровне находит выражение в общинном коллективизме, складывающемся в процессе соседской взаимопомощи в малозаселенной стране со сложными природно-климатическими условиями. Основные его черты: сопричастность индивида к делам и интересам коллектива, сотрудничество, "эмбриональность" частнособственнических устремлений, нестяжательство, относительное безразличие к правовым нормам, стремление к высшей нравственной правде, справедливости и равенству. Известно, что потребность в объединении, собрании, консолидации, способность ставить и решать самые разные проблемы сообща, "всем миром" определяется как "соборность" русского народа. Соборность, наряду с "державностью", характеризуется многими авторами как важнейшая исторически сложившаяся вековая доминанта, проходящая лейтмотивом через все противоречия и переплетения разных периодов и органически связанная с православной верой.

Готовность русских признавать "Общее" более важным, чем "Частное", коллективизм, соборность характеризуются рядом авторов как "особое дорефлексивное состояние жизни", "теологизированный дорефлексивный и внеисторический образ жизни русских крестьянских масс"¹⁴, "нивелирующий, а то и подавляющий личность коллективизм, уравнивательность и даже патернализм, иждивенчество, надежда в решении своих проблем на государство, а не на собственные силы, нередко перерастающие в мессианиззм, в нетерпимость к инакомыслию"¹⁵.

Как уже отмечалось, подобная трактовка — результат чисто внешнего восприятия названных черт российской цивилизации и менталитета без учета объективных условий их формирования. Действительно, перерастая границы меры, данные черты могут повернуться своей обратной стороной, первооснова их качественно иная. Как справедливо отмечает Ю. Олейников, соборность — это способ коллективного выживания, выражение общей судьбы народа, это суровая необходимость, продиктованная бытием русского суперэтноса в крайне неблагоприятных природно-климатических условиях при постоянном дефиците освоенных энергетических ресурсов¹⁶. По мнению Е. А. Ануфриева и Л. В. Лесной, русский менталитет находил или стремился находить правильное соотношение между абсолютизацией коллективизма, уничтожающей суверенитет личности, и абсолютизацией индивидуализма, разрушающей общество, то есть между двумя

ментальными ориентациями: "быть" или "иметь"¹⁷. По нашему мнению, соборность (коллективизм), характеризующая уровень межличностных взаимоотношений индивидов, также может быть включена в число базовых сущностных черт российского менталитета.

Наряду с ментальным неприятием индивидуализма и эгоизма, приоритетом обязанностей перед обществом и государством над личными правами и свободами, стремлением подчиняться, прежде всего, моральным нормам, а не нормам права, к конкретным проявлениям соборности русского народа можно отнести отсутствие комплекса "народа-господина" по отношению к другим племенам и народностям, высокую национальную самокритичность, "отсутствие какой бы то ни было предрасположенности к претензии на Богом данное превосходство над "низшими" группами"¹⁸.

Эта черта неизбежно должна была выработаться у русских в процессе продвижения по обширной территории к естественным географическим преградам при низкой плотности населения на освоенных землях. Как известно, вся русская история представляет собой процесс непрерывного освоения пространства. "Но если для Запада волевое движение — это вопрос покорения, то для русских — это обретение". Русский человек не завоевывал пространства, а "обретал их как элемент того безграничного единства космоса, каким был мир, окружавший его. Подобное обретение изначально отрицает претензию на власть, оно характеризует тенденцию к гармонии", — полагает А. В. Махлаев¹⁹.

Для освоения и заселения обширных и малонаселенных территорий Евразии и для обеспечения их безопасности русские должны были привлечь к сотрудничеству жившие здесь племена и народности. Вследствие обширности земель и низкой плотности населения никакого острого соперничества с местными племенами не было. Наоборот, местное население выигрывало от сотрудничества с народом, создавшим и поддерживавшим сильное государство. Источники свидетельствуют о том, что повсеместно русские демонстрируют "государственный подход к пространству"²⁰, они органично врастают в иноплеменную среду и с природной терпимостью, пластичностью играют роль своего рода цемента, соединяющего разнообразные этнические компоненты в политическую общность. Ни одно государственное образование не создавалось столь безнасильственно и столь естественно.

Происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение местного населения. В. Ключевский под-

черкивает, что указание на такой характер и ход русской колонизации можно видеть в одной особенности той же географической номенклатуры Великороссии. Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а вперемешку, чередуясь. Значит, русские переселенцы не вторгались в край финнов крупной массой, а просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались между разбросанными среди лесов и болот финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был невозможен при усиленной борьбе их с туземцами²¹.

Образование гигантской России явилось прямым процессом образования в междуречье Волги и Оки этнического ядра Великороссии. Ф. А. Степун отмечает, что за четыреста лет, прошедших после освобождения от татарского ига, территория Российского государства увеличилась в тридцать шесть раз. "Россия разливалась, не встречая естественных преград... Этот факт определил не только стиль земельного хозяйствования, но и стиль всякого делания и творчества"²².

Для сравнения приведем тот факт, что более двухсот этносов, живших ранее на территории Западной Европы, исчезли с лица земли. Славянские племена: лютичи, гевелы, редарии, укфы, поморы, сорбы подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Россия же сохранила все свои этносы.

В России государство выполняло функции гаранта не национального, а цивилизованного единства своих многочисленных народов, оно никогда не руководствовалось узко понятой национальной идеей, оставаясь при всех политических режимах наднациональным. Отличительной особенностью Российской империи было отсутствие разделения на метрополию и колонии, отсутствие правовых различий между подданными по национальному или территориальному признаку. Русское государство не ставило задачи ассимиляции нерусских народов, терпимо относилось к разным религиям. Специфика управления государством заключалась в использовании разнообразных моделей централизма с учетом территориальных особенностей, местных традиций, национальной психологии. Каждая модель предполагала сохранение традиционных норм права, опору на местную знать, учет хозяйственных особенностей региона. Более того, защищая стратегические, долговременные интересы русского народа, государство зачастую предоставляло другим народностям привилегии, которых не имело русское население.

Все это не могло не найти отражения в менталитете русского человека. Уже "Повесть временных лет" отражает важнейшую черту мировосприятия русских. В этом мировосприятии русские племена находятся в одном ряду с финскими: "Сказали чудь, и словене, и кривичи, и весь..." (даже более того – перечень племен начинается с чуди). В глазах Нестора эти народы – равноправные создатели русской государственности²³. Эту особенность русских А. С. Хомяков характеризует как "привычку воспринимать других людей как братьев независимо от национальной принадлежности"²⁴. Ф. М. Достоевский называет ее способностью "всемирной отзывчивости и полнейшего перевоплощения в гении чужих наций", способностью "вместить в себя идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебность, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия"²⁵.

Исследователи российской национальной культуры отмечают также значительное влияние на формирование российского менталитета христианства в его византийском православном варианте.

Основные аспекты православия: единство церкви и государственной власти, проповедование терпения, упование на высшие силы. В русском менталитете это проявилось в сильной ориентации на государственную власть, которая очень долгое время являла собой благословенную Богом (царь). "Преклоняясь перед велениями своего внутреннего нравственного закона и сознавая уклонение от этого закона как потерю своего лица и своего человеческого достоинства, они непременно религиозны, ибо воспринимая мир как миропорядок, в котором все имеет свое определенное, божественной волей установленное место, связанное с долгом и обязанностью. Когда человек такого психологического типа повинуетя непосредственно начальнику, он повинуетя не ему лично, а ему как части известной божественно установленной иерархической лестницы... Таким образом, человек рассматриваемого типа все время осознает себя частью известной иерархической системы и подчинен, в конечном счете, не человеку, но Богу"²⁶.

Эти характерные черты российского менталитета обусловили доминанты политической культуры россиян. Одной из таких доминант называется подданическая политическая культура, характеризующаяся односторонней зависимостью индивида от власти, потребностью в руководстве, привычкой подчиняться власти и ожидать от власти решения всех своих проблем.

Основы подданической политической культуры были заложены

ны на заре формирования российской государственности под влиянием Византии, в процессе принятия и распространения христианства в виде православия. Православие идеологически закрепляло подданические ценностные ориентации. Власть великого князя обрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право. В Византии же были заимствованы и принципы, и механизмы практической реализации отношений господства и подчинения между властью и населением, характерные для подданической культуры. Эти принципы получили свое развитие на основе знакомства с опытом организации государства у татаро-монгольских племен и утвердились в качестве фундаментальных поведенческих стереотипов в период завершения образования централизованного Российского государства при Иване Грозном.

Доминирование подданической политической культуры было обусловлено концентрацией политического государства в центре власти. Это было связано как с географическими особенностями Российского государства, так и с особенностями протекания процессов социальной дифференциации населения. Как отмечалось ранее, уже начиная с раннего Средневековья на Руси происходил процесс концентрации политического могущества, вызванный тем, что освоение громадных российских просторов при отсутствии развитой технологической и коммуникационной инфраструктуры можно было осуществить только с помощью сильной власти князя и его дружин. Да и защита протяженных границ Российского государства от воинственных соседей была возможна при условии концентрации политического и военного могущества. Поэтому на протяжении столетий центр власти: монарх, сильное государство, разветвленный бюрократический аппарат, развитая репрессивная система обеспечивали единство и целостность российского общества, его функционирование и развитие.

Политические факторы, отношения власти лежали в основе социальной дифференциации российского общества. Обладание или не обладание властью обусловили деление общества на два класса: правящий класс, монополизировавший власть и, следовательно, имеющий исключительное право на управление, ответственность, привилегии, и зависимое население, лишенное экономических, социальных и политических прав. Отсутствие свободного индивида и зрелого гражданского общества приводит к тому, что политическая жизнь концентрируется в руках правящего класса. Политическому бесправному населению приходится лишь выполнять предписания правящего класса.

Подданническая политическая культура сформировала устойчивые образцы политического поведения, которые в различных модификациях прошли через всю историю российского общества и сохраняют свою актуальность в наши дни. На протяжении российской истории на эти образцы поведения накладывались ценности, установки и образцы поведения патриархальной политической культуры. Этот симбиоз подданнической и патриархальной культур породил в российском обществе авторитарно-патриархальную политическую культуру. Для авторитарно-патриархальной политической культуры характерен подход к обществу как единой большой семье во главе с "отцом". На Руси издавна в народе властителя называли "царь-батюшка", его подданные назывались "отроками" (детьми), социально-незащищенные люди, нуждающиеся в общественной поддержке, – "сиротами", а отколовшиеся изгои общества – "гулящими людьми" т.е. отщепенцами большой семьи. Традиционный авторитарный правитель в этой культуре как бы находился в системе родства, и эти отношения регламентировались соответствующими ценностными ориентациями и нормами.

Авторитарно-патриархальная культура по своей направленности является традиционалистской. В российской политической истории доминирующее руководящее положение занимали традиционные формы взаимодействия индивида, власти и общества. В идеологических конструкциях различных эпох и течений опора на традицию интерпретировалась как опора на "народную почву". Важнейшей особенностью политической культуры России является то, что большинство ее населения ориентируется на ценности коммунитаризма и корпоративизма: коллективизм, "соборность", тесная взаимопомощь, социальное равенство и т.д. Эти ценностные ориентации сложились в русской общине, которая была основой социальной организации жизни на протяжении всей российской истории. Ценности коммунитаризма и корпоративизма являются ценностями доминирующей культуры российского общества.

Доминирование подданнической, авторитарно-патриархальной культуры не объясняет многих событий российской политической истории. Это будет возможно, если признать существование в российской политической культуре субкультуры, базирующейся на ценностях свободы. История показывает, что освоение громадных российских просторов происходило не только за счет сильной государственной власти, но и силами беглых крестьян, бежавших от своих господ в поисках "воли". На базе вольнолю-

бия русских людей сформировался крупный социально-культурный слой – русское казачество, со своей самобытной субкультурой, в которой ценности свободы тесно переплетались с ценностями свободы и демократии (казачье самоуправление). Наряду с этими ценностными ориентациями в России издавна существовала субкультура, опирающаяся на либеральные ценности: свободы, индивидуализма, прав человека, плюрализма. Эта ценностная система пришла в Россию с Запада благодаря реформам Петра I. Ее носителями выступали узкая прослойка правящего класса и немногочисленная российская интеллигенция.

Наличие различных и зачастую противоположных ценностных ориентаций, существовавших у разных социальных групп, обусловило конфликтный характер политической культуры России, конфронтационные отношения между ее носителями. При общей низкой культуре населения противоположные ценностные ориентации явились основой острой, а порой и жесткой политической борьбы. Именно поэтому Россию так часто сотрясали бунты, восстания, революции.

Выше мы говорили о складывающихся в течение столетий доминантах российского политического менталитета и вытекающей из него политической культуре россиян. Для того чтобы понять, какова политическая культура современного российского общества, необходимо обратиться к анализу недалекого прошлого, тех ценностей, норм и образцов политического поведения, которые оказывали на современность непосредственное влияние. Речь идет о политической культуре наших дедов, отцов и тех, кто продолжает политическое участие и оказывает влияние на ход политического процесса в наше время. И здесь речь идет о политической культуре нашей страны в период существования Советского Союза. Внесла ли эта культура существенные коррективы в прошлую политическую культуру российского общества, изменила ли она ее основные характеристики? По мнению большинства российских политологов, политическая культура советского общества является модификацией традиционной российской политической культуры. Ей также присущи доминирование подданничества, авторитаризм, традиционализм, коммуитаризм, корпоративизм, конфликтность.

Сохранение в советское время политической культуры подданничества обусловлено рядом причин. Прежде всего, необходимостью преодоления социально-экономической и культурной отсталости Советской России. Это было возможно достичь лишь через усиление интегрирующей и мобилизующей роли государства.

В Советском Союзе также сохранился основополагающий принцип социальной дифференциации общества: большей собственностью, престижем, привилегиями располагали те, кто находился ближе к центру власти. Центр власти был в руках большевистской (коммунистической) партии. Те, кто был связан с этим центром, образовали узкий правящий слой – партийную номенклатуру. Партийная номенклатура сконцентрировала в своих руках экономическую, политическую и идеологическую власть. В Советском Союзе она олицетворяла государство. Руководитель партии в глазах миллионов людей носил образ “отца народа”.

На усиление подданических сторон российской политической культуры значительное влияние оказало уничтожение советской властью социальных слоев, традиционно ориентированных на ценности либерализма: предпринимателей, купцов, казачества, гуманитарной интеллигенции, а также отказ от рыночных регуляторов экономики. Политическая власть в Советском Союзе всемерно опиралась на ценности корпоративизма, пропагандируя приоритет коллективистских качеств гражданина над его индивидуальными запросами и потребностями. Развитию этих качеств в сильной степени способствовали государственная (общенародная) форма собственности, корпоративно-колхозная форма собственности, которые абсолютно господствовали в экономической жизни страны. Корпоративизм в СССР тесно сочетался с подданничеством, ибо абсолютное доминирование государственной формы собственности ставило население в исключительную зависимость от распорядителей этой собственности – правящего класса. А те или иные проявления экономической политики в пользу населения (бесплатное образование и медицинское обслуживание, повышение зарплаты, снижение цен на товары первой необходимости и т.д.) свидетельствуют о том, что экономическая, техническая, культурная отсталость общества в совокупности с доминирующими у большинства населения патриархальными отношениями, образом жизни сформировали специфические черты подданничества советского типа, так же как потребность в руководстве, чувство благодарности власти за заботу, конформизм, почитание вождей и т.д.

В Советском Союзе как многонациональном государстве существовало множество субкультур. В какой-то мере политическая культура оставалась фрагментарной. Но сильное давление государственной власти на национальные образования, борьба с религией, постановка деятельности религиозных объединений –

церквей под контроль государства не позволяли этноконфессиональным различиям и противоречиям перерасти в политические противоречия. А главное то, что в Советском Союзе провозглашалось и в достаточной мере реально существовало морально-этническое единство народа. В советском обществе существовали общепринятые ценности, идеалы, которые объединяли абсолютное большинство населения и помогали стлаживать все проблемы и противоречия. В СССР существовала довольно четкая и достаточно эффективная система политической социализации, институты которой осуществляли процесс внедрения в сознание населения коммунистических идеалов, начиная с детского сада и кончая старческим возрастом.

В начале 90-х гг. в результате политики перестройки Советский Союз распался и в России изменилась политическая система. Как это сказалось на политической культуре населения? И здесь исследователи отмечают ряд противоположных тенденций.

В результате разгосударствления и приватизации сложился новый класс собственников, который является правящим классом. Этот класс стремится навязать населению ценности либерализма: свободу, частную собственность, индивидуализм, конкуренцию и т.д. Происходящие в России социально-экономические преобразования в какой-то мере способствуют изменению типа политической ориентации в сторону либерализма: свобода, частная собственность, индивидуализм, конкуренция и т.д. в какой-то мере способствуют изменению типа политической ориентации в сторону либерализма. Формирование рыночных отношений, самостоятельность хозяйственных субъектов, многообразие форм собственности и социальных интересов создают благоприятные условия для укоренения ценностей, норм и образцов политической культуры либерально-демократического типа.

Однако объективно развивающиеся процессы социальной дифференциации только предполагают тенденцию к складыванию многообразия субкультур, но жестко предписывать их не могут. Как показывает практика, изменение типа политической культуры происходит крайне медленно. В российском обществе продолжает доминировать подданническая культура с ценностями авторитаризма, корпоративизма и довольно высоким уровнем конфликтности. Российские граждане продолжают ждать от государственной власти заботы об их интересах, они не принимают происходящую глубокую социальную дифференциацию.

¹ Гуревич Н., Вовель М., Пожанский М. Ментальность // 50/50: Опыт

словаря нового мышления / Под общ. ред. Я. Ферра и Ю. Афанасьева. М., 1988. С. 459.

² Раульф У. История менталитета // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 24.

³ Телленбах Г. Ментальность в средневековой концепции и практика исследования // Там же. С. 93.

⁴ Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа "Анналов". М., 1993. С. 455.

⁵ Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евроазиатство: их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 99.

⁶ Гумилев Л. Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М., 1989. С. 86.

⁷ Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Указ. соч. С. 98.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ Там же. С. 372.

¹⁰ Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения России) / Под общ. ред. И. Г. Дубова. М., 1997. С. 74.

¹¹ Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль. М., 1999. С. 424–425.

¹² Шульдин Б. П. Российский менталитет и государственное устройство. Н. Новгород, 1997. С. 14.

¹³ Ковалев В. Российский менталитет: Социокультурный анализ. СПб., 1998. С. 18.

¹⁴ Российская ментальность: (Материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 7.

¹⁵ Маймина Е. З. О социально-экономических особенностях развития России // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 118.

¹⁶ Ментальность россиян: (Специфика сознания больших групп населения). М., 1997. С. 85.

¹⁷ Ануфриева Е. А., Лесной Л. В. Специфика русского характера // Социально-политический журнал. 1996. № 5. С. 26–27.

¹⁸ Российская ментальность: (Материалы круглого стола) // Вопр. философии. 1994. С. 9.

¹⁹ См.: Махлаев А. В. О русском национальном характере // Социально-полит. журн. 1996. № 4. С. 245.

²⁰ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 45.

²¹ Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 262.

²² Степун Ф. А. Мысли о России // Современные записки. Париж, 1928. № 28. С. 335.

²³ Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1995. № 4. С. 73.

²⁴ Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1998. С. 85.

²⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1978. Т. 7. С. 132.

²⁶ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 214.